

Восстановление этики в экономике

Современная экономическая теория должна вернуться к истокам

Энтони Аннетт

ФОТО: STEVE JAFFE / IMF

ПРЕОБЛАДАЮЩАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА

сталкивается с кризисом легитимности. Эта потеря расположения обусловлена множеством аспектов: растущим неравенством и отсутствием экономической безопасности; все еще свежими воспоминаниями о глобальном финансовом кризисе и безнаказанности тех, кто его спровоцировал; и характером глобализации, которая, как представляется, обеспечивает преимущества крупным корпорациям и финансовой элите. Над всем этим нависает призрак изменения климата. Эти линии разлома подрывают доверие к институтам, как национальным, так и глобальным, и иногда даже вызывают обратную реакцию в форме изоляционизма и склонности к экстремизму.

Отклик на эти сложные проблемы можно найти в семнадцати Целях в области устойчивого развития (ЦУР), которые были приняты 193 странами в 2015 году под эгидой Организации Объединенных Наций. Эти цели основаны на идее о том, что экономический прогресс больше нельзя оценивать без учета социальной интеграции и экологической устойчивости. Такое представление подразумевает, что рынки сами по себе не могут решить эти проблемы — для этого требуется сотрудничество между государствами на глобальном уровне и социальными партнерами на национальном уровне.

В свою очередь, этот сдвиг требует серьезного переосмотра этических основ современной экономики. Однако

такой вывод может показаться странным. Ведь неоклассическая экономическая теория развивалась таким путем, в результате которого образовалось резкое различие между позитивным и нормативным, между фактами и ценностями. И все же обсуждать экономику в отрыве от ценностей невозможно. И на большие вопросы, которые ставятся нравственной философией, — связанные с природой человека, целью или предназначением жизни и правильным образом действий в различных обстоятельствах, — экономическая теория предлагает конкретные ответы.

Эти ответы, по моему мнению, неадекватны. В центре этической парадигмы неоклассической экономической теории стоит «хомо экономикус» («человек экономический»), который руководствуется личными интересами в стремлении максимизировать субъективные материальные предпочтения, — что, как демонстрируется, может быть достигнуто (при крайне ограничительных предположениях) конкурентными рынками.

Но является ли «хомо экономикус» точным отражением человеческой природы? Согласно последним данным психологии, неврологии и эволюционной биологии — не является. Например, биолог из Гарвардского университета Эдвард О. Уилсон утверждает, что эволюционные силы предполагают торжество эгоистов над альтруистами внутри групп, но группы альтруистов побеждают группы эгоистов. Если это верно, то люди предрасположены к сотрудничеству и поддержанию моральных норм. Однако это также указывает на присущие людям тенденции оказывать предпочтение своим и демонизировать чужих.

С этой точки зрения я утверждал бы, что большинство этических основ (как светских, так и религиозных) имеет общую цель — поощрять людей к развитию характеристик, отвечающих общественным интересам, и подавлению тех, которые являются эгоистическими и агрессивными.

Исключение составляет неоклассическая экономика. Она поддерживает эгоизм, возвышает материальные интересы и игнорирует этическую систему — предпочтения, в конечном счете, считаются верховными, субъективными и никогда не открытыми для пристального изучения. И мало того, что добродетель считается неактуальной — то, что, согласно более старым традициям, рассматривалось как порок, считается добродетелью. Это составляет основу знаменитого утверждения Адама Смита о том, что не благожелательность, а собственный интерес служит обществен-

ному благу (хотя сам Смит подходил к этому вопросу гораздо более гибко, чем многие из его последователей).

Критическая оценка неоклассической экономики должна начинаться с вопроса о том, что действительно ценят люди. Один из очевидных ответов — счастье. Но его значение в различных традициях неодинаково. Утилитаризм рассматривает счастье в гедонистическом смысле как максимизацию удовольствия и минимизацию страданий, и неоклассическая экономическая теория во многом обязана этой традиции. Аристотелевский подход выдвигает более глубокое понятие эвдемонизма — человеческого процветания, отождествляемого с возможностью жить полной жизнью в соответствии с тем, что считается по существу ценным, как то полноценные взаимоотношения, чувство цели и вклад в общественную жизнь. С точки зрения Аристотеля, это требует привития добродетели — что лучше всего понимается как реализация потенциала, с тем чтобы люди переходили от того, чем они являются сейчас, к тому, чем они могли бы стать, если бы они осознали свою сущностную природу. Это тесно связано с подходом на основе возможностей, ассоциируемым с Амартией Сеном и Мартой Нуссбаум, в котором подчеркивается раскрытие возможностей — способность делать то или быть тем, что человек ценит.

Приоритетное значение взаимоотношений

Современная психология в некоторой степени поддерживает эти оценки. Например, в литературе о субъективном благосостоянии демонстрируется приоритетное значение отношений и цели для благосостояния и подтверждается, что деньги не могут купить счастье за пределами определенного уровня. Ежегодный «Доклад о мировом счастье» (*World Happiness Report*) показывает, что более счастливые страны не только являются более богатыми, но также характеризуются более сильной социальной поддержкой, более высоким уровнем доверия и щедрости и большей способностью раскрывать возможности без препятствий (включая коррупцию).

Многочисленные исследования также показывают, что люди наделены просоциальными склонностями, такими как альтруизм и чувство справедливости. Например, последние выводы бихевиористской экономики показывают, что люди склонны сотрудничать, делиться и вознаграждать доверие, а также наказывать обман и оппортунизм даже при финансовых издержках для самих себя.

Если эти идеи верны, тогда не должно вызывать удивления то, что люди испытывают такое беспокойство по поводу ненадежных перспектив трудоустройства, учитывая, что достойный труд является жизненно важным аспектом человеческого процветания — основным источником достоинства, цели и общественного вклада. Или то, что

они отрицательно реагируют на предполагаемый обман и несправедливые преимущества в мировой экономике.

В аристотелевской традиции общее благо понимается как благо, вытекающее из общего социального опыта, которое выходит за пределы блага отдельного индивида, никого не исключает и не может быть разложено на сумму отдельных благ. Это отражает идею о том, что мы процветаем только в соотношении с другими. В политическом смысле это равнозначно институтам, которые способствуют благосостоянию всех, включая будущие поколения.

Приверженность общему благу необходима нам как моральное ограничение рыночной экономики.

Это понятие об общем благе нелегко сочетать с этическими парадигмами, возникшими в эпоху Просвещения, которые подчеркивают автономию отдельных людей в стремлении к достижению их собственной концепции того, что является благом. Такой подход принес огромные этические достижения, главным образом благодаря его акценту на всеобщие права человека, но утрата объективного общего блага сопряжена с издержками: становится слишком просто сводить все суждения о ценности к субъективным предпочтениям.

Этическая «мертвая зона»

Неоклассическая экономическая теория поддается этому искушению. В отсутствие совместных общих задач цели экономической жизни сводятся к материальной и финансовой выгоде. Ожидается, что экономические субъекты будут соблюдать законы и права собственности, а не моральные нормы, и руководствоваться финансовыми стимулами, а не добродетелью. Это представляет собой этическую «мертвую зону». Именно этот менталитет подпитывает колоссальное неравенство, финансовую нестабильность и экологический кризис. Как отмечает Сен, экономика может быть эффективной по Парето — благодаря чему рыночный обмен достигает максимального удовлетворения предпочтений, — но при этом «совершенно отвратительной».

С более углубленной точки зрения, существуют свидетельства того, что привитие ценностей «хомо экономикс» заставляет людей подавлять сочувствие и чувство солидарности в пользу эгоизма и оппортунизма. Как отмечает американский экономист Сэмюэль Боулаз, чрезмерная зависимость от финансовых стимулов может подорвать добродетель, несмотря на растущее осознание того, что основные рынки и институты попросту не будут

функционировать без определенной приверженности добродетелям, таким как справедливость, честность и доверие. Не имеет смысла утверждать, что любое суждение о ценности, помимо эффективности, выходит за пределы этой дисциплины. «Хомо экономикс» не ценит ничего из этого — и, по словам Сена, является «социальным дебилом».

Приверженность общему благу необходима нам как моральное ограничение рыночной экономики, что предполагает не только предоставление всем людям возможности для реализации своих способностей, но и обеспечение условий для того, чтобы они были направлены на решение некоторых согласованных общих задач — особенно в том виде, в котором они были сформулированы в ЦУР. Учитывая серьезность экологического кризиса, переход к безуглеродной энергетической системе в течение следующих трех десятилетий имеет первостепенное значение.

Космополитическая ответственность?

В этой связи возникает еще один вопрос: насколько широко должно распространяться общее благо? Один из ответов предполагает ответственность перед всем человечеством. Такой принцип всеобщности глубоко встроен в современную нравственную философию. Он имеет фундаментальное значение для категорического императива Иммануила

Канта, основанного на долге, который допускает только те максимы, которые могут стать всеобщими. Он также поддерживает утилитаризм, который основан на стремлении к наибольшему счастью большинства. Этот принцип всеобщности особенно ярко выражен в аргументе принстонского философа Питера Сингера о том, что мы обязаны помогать нуждающимся в любой точке мира, когда это в наших силах. Такая космополитическая ответственность, несомненно, возрастает с принятием определенной степени вины за основополагающее трудное положение (как в случае богатых стран и изменения климата).

Однако Аристотель и греки были гораздо более специфичными в своих этических принципах — они считали общее благо ограниченным рамками города-государства и не включали в рассмотрение женщин и рабов. В некоторых отношениях это играет на руку врожденной склонности к внутригрупповым предпочтениям. Тем не менее, мы должны также сознавать, что мы являемся существами с общественными корнями, глубоко привязанными к общине как центру гражданских дружеских отношений, самоосознания, смысла и цели. Это имеет ключевое значение для понимания негативной реакции на глобализацию.

Как мы можем лучше сбалансировать эти противоположные моральные требования? Простого ответа нет, и этот вопрос затрагивает как культурные, так и экономические факторы. Но ЦУР действительно предлагают путь сквозь эти дебри — план глобальных действий, который является одновременно практичным и доступным с точки зрения затрат, с одной стороны, и совместимым с основными светскими и религиозными этическими традициями, с другой стороны. В этом контексте цели очерчивают контуры общего блага, определяя основные требования для человеческого процветания в каждой стране наряду с конкретными обязанностями более богатых стран по отношению к более бедным. Реализация их позволит устранить некоторые из линий разломов, которые угрожают глобализации и многостороннему сотрудничеству.

Мы должны заново построить этические соображения в основу экономических рассуждений, переориентировать разработку и проведение экономической политики на общее благо и вновь ввести этическое образование в программы по экономике и бизнесу. Экономическая теория возникла как подраздел нравственной философии, и она должна вернуться к своим корням. **ФР**

ЭНТОНИ АННЕТТ — помощник директора Департамента общественных коммуникаций МВФ. С 2015 года по декабрь 2017 года Аннетт был советником Центра по вопросам устойчивого развития Колумбийского университета, работая в областях, находящихся на стыке этики, экономики и устойчивого развития.

